

Александр Викторович ПетровОмская академия Министерства внутренних дел России, кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и политологии, Омск, Россия
e-mail: petrov.av.phd@gmail.com

Сила и слабость телеологии как эпистемологической стратегии

Аннотация. Мысль о наличии в бытии имманентного смысла и общей целесообразности его существования была характерна для античной и средневековой философии и оставалась актуальной до тех пор, пока усложнение взглядов на онтологию и совершенствование теории познания не привело к тому, что причинно-следственное объяснение утвердилось в положении доминирующего эпистемологического принципа в отношении эмпирического мира, тогда как телеологическому подходу осталось пространство явлений сознания и феноменов культуры. Несмотря на это, в естественных науках, имеющих дело с жизнью, механистический детерминизм не был безусловно эффективен, потому они и не исключают идею целесообразности из своего инструментария. Телеологический подход стал основанием для создания интерпретационной модели, действующей при определенных условиях, среди которых необходимо наличие в интерпретируемом феномене степени свободы, способной преодолеть причинный детерминизм. Цели, соответствующие этим основаниям, можно обобщить в виде сакральной, секулярной и витальной телеологии как некоторых совокупностей отдельных целей, объединенных общим лейтмотивом.

Ключевые слова: телеология, типология телеологии, сакральная телеология, секулярная телеология, витальная телеология, эпистемология.

Alexander V. PetrovOmsk Academy of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
at the Department of Philosophy and Political Science, Omsk, Russia
e-mail: petrov.av.phd@gmail.com

Strength and Weakness of Teleology as an Epistemological Strategy

Abstract. The idea of the presence of an immanent meaning in being and the general expediency of its existence was characteristic of ancient and medieval philosophy and remained relevant until the complication of views on ontology and the improvement of the theory of knowledge led to the fact that the causal explanation was established in the position the dominant epistemological principle in relation to the empirical world, while the teleological approach was left with the space of the phenomena of consciousness and the phenomena of culture. Despite this, in the natural sciences dealing with life, mechanistic determinism has not been unconditionally effective, therefore they do not exclude the idea of expediency from their tools. The teleological approach is the basis for creating an interpretive model that operates under certain conditions, among which it is necessary to have a degree of freedom in the interpreted phenomenon that can overcome the need for causal determinism. The goals corresponding to these grounds can be summarized in the form of sacred, secular and vital teleology as some sets of separate goals, united by a common leitmotif.

Keywords: teleology, typology of teleology, sacred teleology, secular teleology, vital teleology, epistemology.

Введение (Introduction)

История европейской философии открывает для любого исследователя великое множество возможностей. В ней нашли место самые разные стратегии мышления, открывающие перед любопытствующим взором широкий простор для разнообразных классификаций, систематизаций и периодизаций. Но, несмотря на то, в каком именно изводе предстает перед нами философия — в античном или современном, материалистическом или идеалистическом, внутри каждой ее школы, на каждом историческом этапе шел внимательный и напряженный поиск решения предельных проблем,

важнейшей из которых можно считать поиск смысла бытия, а производной от нее — проблему цели. Нельзя сказать, что обсуждение этой проблемы есть прерогатива одной лишь философии. Философия восприняла эту проблему от мифологии и религии и применила к ней свой особый подход, предполагающий поиск общезначимого ответа, построенного на фундаменте рациональности.

Методы (Methods)

Методология исследования основывается на герменевтическом подходе, руководствуясь которым автор не

© Петров А. В., 2022

Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2022, № 3 (36), с. 48–55.
Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research, 2022, no. 3 (36), pp. 48–55.

только пытается интерпретировать научно-философскую традицию понимания изучаемой проблемы, но и предлагает видеть в телеологии подход, способный формировать объяснительную модель, эффективную при специфических условиях. Феноменологический подход применяется для выделения сущностных черт телеологии и их иллюстрирования явлениями интеллигибельного и эмпирического мира. Метод сравнительно-исторического анализа обеспечивает указанные подходы исследовательским материалом, позволяя обобщать конгениальный материал, относящийся к различным стратегиям мышления и областям знаний.

Литературный обзор (Literature Review)

Проблема целесообразности, будучи производной от тотально значимой проблемы смысла, проникает в разные отрасли знания, не оставаясь сугубо философской. Такая диффузия легко объяснима тем, что конкретные попытки решения этой проблемы, выходящие за пределы деклараций о наличии в бытии смысла и цели его существования (оправдываемых преимущественно либо идеей Бога-творца, разумно устроившего мир и человека, либо тем, что бессмыслице и бесцельности противится самое мышление), приобретают вид проблемы причин и следствий, с одной стороны, и конечной цели, с другой. В первом случае предшествующее детерминирует последующее, во втором — наоборот. В. Ф. Асмус отметил, что «вопрос о целесообразности ставился в философии и в науке XVIII в. прежде всего как вопрос о целесообразности в природе. В такой постановке это был один из центральных вопросов века» [1, с. 402]. С развитием естествознания онтологический вопрос собственного смысла бытия редуцировался в вопрос целесообразности его устройства, а основной вопрос философской антропологии — в проблему механистической детерминации поступков человека, понимаемой как манифестация его разумности и способности совершать целесообразные действия. И. Кант рассматривал эту проблему через призму способности суждения и морального действия.

Дальнейшее развитие философии, усложнение взглядов на онтологию и совершенствование теории познания привело к тому, что причинно-следственное объяснение утвердилось в положении доминирующего эпистемологического принципа в отношении эмпирического мира, тогда как финалистическому (или, в более мягком варианте, телеологическому подходу) осталось пространство явлений сознания и феноменов культуры, т. е. всего того, где естественная необходимость теснима свободой и волей мыслящего субъекта, способного поступать по собственному произволению. Так обозначился разрыв между двумя мирами — эмпирическим и интеллигибельным, который сокращается лишь иногда, в пределах особых научных тем (например, в биологии, когда ведется полемика о характере эволюции и роли фактора целесообразности в этом по внешности совершенно случайном процессе). При безусловном признании той важнейшей роли, которую играет естественный отбор и мутации в онто- и филогенезе, полемика ведется вокруг того, насколько возможен совершенно случайный характер самого начала этого процесса и лежит ли в его основании некая информация, определяющая его будущий

смысл. Дело в том, что для всех упорядоченных систем важнейшее значение имеет то, что определит направление их развития, и этот вектор имеет тем большее значение, чем больше он позволяет избежать ошибок на пути развития [2, р. 4], под которыми следует понимать все те изменения, которые выводят систему из устойчивости и нарушают функционирование. Или, к примеру, в физике, когда идет речь об антропном принципе, предлагающем телеологию без телеологии, вселенную, идеально приспособленную для жизни чисто случайно, и ставящем сознание перед выбором между трансцендентным бесконечным Богом и трансцендентной бесконечностью миров [3, р. 186]. Даже в ее (физике) языке сохранились рудименты, которые Б. Рассел относил на счет прежнего влияния телеологии, как то понятия «притяжение», «отталкивание» и «стремление к центру», замечая, что «что о теории причинности Аристотеля никто не спорил еще 350 лет назад» [4, с. 141]. Помимо терминологического наследия в физике есть и более заметные признаки если не самой телеологии, то некоторого движения в сторону реабилитации телеологического подхода к объяснению явлений, подкрепляемого индетерминизмом квантовой механики, поскольку исследования в этой области показали, что не существует таких скрытых локальных переменных, знание которых позволило бы дать детерминированное описание процессов на микроуровне [5; 6].

Относительно витализма, антропного принципа, роли наблюдателя в квантовых процессах до сих пор ведутся споры. Более 100 лет назад неокантианец А. Риль подчеркивал, что, к примеру, витализм, всегда так или иначе присутствующий внутри биологии и видящий в жизни особый процесс, несводимый к ее материальным составляющим, сокращает пропасть между неодушевленной и одушевленной природой, не упраздняя ее, поэтому по-настоящему многообещающим делом является обсуждение проблемы телеологии на «нейтральной почве теории познания» [7, с. 104]. Такая нейтральность, по его замыслу, должна сблизить естественные науки и философию, открыть новые горизонты и буквально «совершить революцию во всем нашем понимании вещей» [7, с. 104]. За прошедший век решительного преодоления пропасти между неодушевленной и одушевленной природой, на которую указывал Риль, не произошло (случись это, мы имели бы универсальный инструмент для объяснения и понимания всех наличных и возможных вещей физического и метафизического свойства), а произошедшие с тех пор революции имели иной характер, хотя и наталкивают своих исследователей на соображения о некоторых закономерностях исторического процесса и культурной жизни. Это неудивительно, поскольку редуцировать мир идей к миру вещей, равно как и проделать обратное, бессмысленно, ведь и для того, и для другого измерений реальности уже накоплено множество разнородных инструментов познания и преобразования. Дело лишь за тем, чтобы правильно их употреблять, а значит, и за тем, чтобы правильно распорядиться своей свободой, свободой мыслить и владеть собой. В пределах философии и гуманитарного знания в целом мысль об уместности постановки вопроса о целесообразности не чувствует себя чужеродной, но ее обычно ограничивают рамками этики

и морального действия. Почему же в более широком горизонте, в пространстве эпистемологии, о всевещающей нейтральности которой говорил Риль, телеология чувствует себя не очень уверенно?

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Среди обстоятельств, испортивших репутацию телеологической проблематике, видное, может быть даже центральное, место занимает ее относительная эпистемологическая слабость. А. И. Шевченко, характеризуя ее причины, указывает на влияние «теософских, психологических, герменевтических, семиотических, индуктивно-вероятностных логических фундаментальных принципов», обусловивших ее эклектичность. «Как следствие, она трудно сводима к единой четко очерченной методологии, поскольку масштабность задач антропоцентричной специфики делает оправданным привлечение широкого арсенала методов детерминистского и индетерминистского плана в их диалектической взаимосвязи» [8, с. 29]. Такая оценка, при некоторой категоричности, имеет под собой основания, хотя и требует уточнений. Впервые на уязвимость телеологии как стратегии мышления обратили внимание на излете эпохи Возрождения, когда формировалась наука нового типа — как знание, построенное на эмпирических данных и полученное посредством причинно-следственного объяснения. Тогда казалось, что понятие целесообразности если и заслуживает внимания, то как нечто чисто умозрительное, «достаивающее» картину реальности в областях terra incognita. Тогда же, когда идею целесообразности получилось, хотя бы и механически, заменить на генетическое объяснение, она вовсе показала более ненужной. Примером такого отношения может служить классический дарвинизм, оставивший в поле зрения единственную целесообразность — витальную, приобретающую вид естественного отбора, действующего слепо и более ничего в себя не вмещающего.

Любопытно, что классический дарвинизм, нарочито позитивистский и не нуждающийся в телеологии, и современный эволюционизм в целом, взирающий на идею целесообразности, хотя и скептически, но уже без антипатии, всё же не чужды ей совершенно. Более того, о Дарвине иной раз судят как об авторе, «узаконившем» телеологию в виде естественного отбора [9, с. 151]. Это суждение не является чем-то маргинальным для науки, его поддерживал Н. Гартман, широко употреблявший понятия «целесообразность», «цель органа», которые были у него необходимыми предпосылками каузального познания, указывая ему направление движения (в силу чего телеологический ракурс представлял в роли регулятивного принципа), а также И. Т. Фролов, полагавший, что целесообразность («телеологический способ мышления») не отменяет каузальности, поскольку после того, как будет доказано то, что постулируется в форме цели, последняя устраняется и на ее место ставится строго каузальное объяснение [10, с. 152–153]. Впрочем, при довольно толерантном отношении к идее целесообразности как к эвристическому инструменту и гипотетическому допущению естествознание не нашло в природе законов и программ, соответствующих какой-либо определенной цели [11, с. 67]. Однако при допущении, что естественный отбор —

телеологически ориентированный процесс и «если кто-то пожелает ввести телеологические идеи в биологию, то у него окажется большое количество эмпирических свидетельств этого — не меньше чем самих биологических объектов — результатов эволюции» [9, с. 153]. Если подходить к вопросу определения «доброкачественности» научных объяснений сугубо позитивистски, то такая многократная верификация однозначно бы свидетельствовала в пользу телеологии не только как объяснительного принципа, но и как эмпирически фиксируемого принципа регулятивного характера. Современной эпистемологии известно, что одной лишь верификации недостаточно для того, чтобы объяснение, подкрепляемое ею, можно было признать научным; важно так же установить границы применимости гипотезы и уточнить само ее содержание.

Если внимательно присмотреться к попыткам ввести телеологическое объяснение в естествознание, то за ним окажется не что иное, как желание найти закономерную связь между начальным и конечным состоянием системы, хотя объяснение ее развития через конечное состояние (проектируемое или уже достигнутое) вторично по отношению к причинно-следственному объяснению. В этом случае идея целесообразности замещает собой то, чего недостает нашему знанию о точке отсчета; и чем полнее знания о положении дел «на старте», тем меньше будет давить о себе знать желание найти целесообразность, объясняя движение к «финишу». Но это справедливо без оговорок только тогда, когда речь идет о процессах, детерминанты которых отчетливо видны и действуют механически. Чем больше вариативности и свободы демонстрирует система, тем больше ослабевает детерминизм, а вместе с ним и закономерная связь между началом и итогом. В науках, имеющих дело с жизнью — что в мире природы обладает большей вариативностью? — механистический детерминизм неэффективен, потому они и не исключают идею целесообразности из своего инструментария. Иными словами, границы применимости телеологического объяснения пролегают там, где начинает эффективно действовать детерминизм, а причинно-следственное объяснение становится достаточным.

Что же до уточнения содержания гипотезы, то ее растущую смысловую нагрузку как нельзя лучше иллюстрируют слова Хакена о том, что «при описании развития систем разного рода исследователи уже не могут обходиться без привлечения связок таких понятий, как: телеология — человек, социальные системы; телеоматика — неживые системы (модель — камень падает в колодец); телеономика — живые системы (модель — хищник-жертва)» [12, с. 294]. Очевидно, что если некоторый способ объяснения действительности подвергается логической процедуре деления, то это свидетельствует о недостаточности для познания одного лишь делимого. Как видно из приведенной цитаты, телеология может быть применена в различных предметных областях — отсюда и расширение ее спектра, и конкретизация предметности. Исторически небольшое время понадобилось для того, чтобы с оценкой целесообразности совершилась метаморфоза, изменившая ее понимание: от того, что «целесообразность относится не к естественно-научному, а к метафизическому истолкованию» [13,

с. 53–54], до мыслей о потенциале телеологии как дополнительного эвристического инструмента.

Причем этот потенциал может быть реализован именно в сфере разума, в области мира идей, а не мира вещей, поскольку в первом остается место для свободы, а во втором господствует необходимость; свобода же существует в его пределах как допущение, возможное постольку, поскольку существует субъект, делающий его. По этой причине всякий разговор о телеологии как об идее, а после — о ее феноменологии, возможен тогда, когда феномены эмпирического мира оказываются предметом рациональной рефлексии. В этом случае телеология становится для эмпирии тем же, чем является для морали свободная причинность — моментом преодоления необходимости. Преодоление носит рефлексивный, рациональный характер, структурируя в сознании, с одной стороны, опыт эмпирического существования, с другой — упорядочивая наше к нему отношение с позиций добра и зла и определяя этим наши действия. Всё это становится возможным тогда, когда есть умозрительные основания, эпистемологический и аксиологический фундамент, на котором основывается рефлексия и благодаря которому совершается транзит из области умозрительной в область практическую. Об этом говорит Ю. Г. Полетаева, когда замечает, что «рационалистическая телеология, независимо от того, на какие основания она опирается — вечные принципы метафизики, теорию разумного эгоизма, идею всеобщего блага или волю народа, приводит к абстрактным конструкциям» [14, с. 34].

Мысль об аксиологическом значении телеологии, обеспечивающем ей «прописку» в познавательном процессе, поддерживает М. В. Лапшин [15, с. 339], правда, с оговоркой о том, что телеологические идеи в науке подкрепляются только ценностно-оценочной моделью, а не новыми «научными открытиями и философскими идеями». Телеологический подход — это именно интерпретационная модель, действующая при определенных условиях, среди которых необходимо наличие в интерпретируемом феномене такой степени свободы, которая могла бы «перевесить» необходимость причинного детерминизма, а также воли самого интерпретатора видеть ее. Однако в этом деле нужна осторожность, особенно тогда, когда речь идет о тотальных феноменах; при их телеологической интерпретации велик соблазн начать «вести речи за Бога», как об этом писал М. М. Рубинштейн, как обычно случается, когда телеологическая оценка претендует на роль абсолютной и окончательной [16, с. 358]. Эти слова были сказаны им по поводу критики гегелевской философской системы, грандиозной по масштабу и чрезвычайно последовательной в субстанциализации категорий, отводившей каждой из них свою особую роль в партитуре бытия. Конечно, телеология внутри такой конструкции рискует приобрести характер химеры, плода вовремя не остановившейся фантазии, избежать которую можно лишь тем, чтобы не предписывать мирозданию цели, а искать в мире признаки целесообразности и быть аккуратным в их оценке. Справедливости ради следует отметить, что Рубинштейн критикует не только сверхрационализацию в деле миропонимания и опыте поиска цели, но и полный отказ от рационального, поскольку последний знаменует-

ся отрицанием действительности целей общего характера, заметных в историческом масштабе. Он критикует позицию Л. Н. Толстого, отрицающего, по его мнению, саму возможность того, чтобы человеческая жизнь управлялась разумом, поскольку это уничтожит саму возможность жизни [17]. Рубинштейн замечает, что Толстой отрицает возможность осознанного «служения истории», ведь «там, где у людей проявляется сознательная деятельность, она направлена не на мнимое общее дело, а на свое собственное. Каждый служит истории бессознательно» [18, с. 189]. Действительно, сознательное «служение истории», особенно безапелляционное и бескомпромиссное, пугает не меньше, если не больше, чем отрицание его возможности. История знает примеры, когда такое служение оборачивалось гекатомбами, принесенными на алтарь национальной, религиозной или классовой борьбы во имя высокой цели, озвученной от имени народного духа, имени Бога или исторической справедливости. Их причины всегда своеобразны, но цели имеют общий (тотальный) характер, хотя и разное содержание, касающееся реализации утопии в конкретно-историческом топосе. Конфликт между целями, интересусубъективными по своим качествам, и неадекватной им предметностью порождает исторические катастрофы.

Попробуем предпринять дифференциацию всех возможных интересусубъективных целей на основании того, какому миру они принадлежат: миру, в котором обладает реальностью Бог и сакральное явно соседствует с профанным; миру культуры, в котором существуют социально-исторические тела, составляемые народами, порождающими проекты устройства собственной жизни в этом, а не ином мире; или же миру, в котором нет общностей более охватывающих, чем род, клан или корпорация иного свойства, достаточно сплоченная для того, чтобы понимать свои интересы и видеть жизнь как беспощадную и ничем не регулирующую конкуренцию. Если мы сделаем это и допустим, что цели, соответствующие этим основаниям, могут составить телеологию как некоторую совокупность отдельных целей, объединенных общим лейтмотивом, то мы получим, соответственно, сакральную, секулярную и витальную телеологию. Такая типологизация позволяет лучше понять причины того, о чём шла речь выше — о катастрофах, которыми оборачивается история, если ею руководит нерелевантная телеология. Примерами этой нерелевантности будет агрессивная военно-экономическая экспансия под религиозными знаменами ради всеобщего спасения через торжество веры, объявленной истинной, как это было с арабским завоеванием Ближнего Востока и Магриба, внутренними европейскими крестовыми походами или испанским завоеванием Месоамерики; борьба за насаждение господства одной расы ради «лучшего» будущего человечества как вида, как это делалось в нацистской Германии; перманентная революция как трамплин к хилиастическому царству праведных агнцев-трудящихся, отделенных от капиталистических козлиц, осужденных историй.

В первом случае сакральная телеология прикрывала вполне секулярные цели. Во втором случае витальная телеология, адекватная целям существования рода, борящегося за жизнь среди множества конкурентов, в результате

проецирования на весь вид приняла облик секулярной, с оттенком сакральной, если принимать в расчет склонность к оккультизму и мистицизму некоторых нацистских бонз. В третьем случае секулярные цели, достижимые в обозримой исторической перспективе (например, в виде социальной справедливости), постепенно морфировали в сакральные, когда марксизм начал восприниматься как догма, а некоторые его интерпретаторы утратили гибкость и творческий подход. История даже знает пример того, как марксизм, понимаемый сугубо догматически, сделался ширмой для жуткого массакра, как это было в Кампучии. Разумеется, соседство в тексте национал-социализма и марксизма не должно наводить на мысли об их содержательном родстве. Оно обусловлено лишь тем, что и та, и другая система политических и историософских взглядов имела существенное историческое значение. С каждой из них произошли метаморфозы, изменившие их первоначальный смысл, и обе они сказались в истории не так, как это виделось их теоретикам.

Приведенные примеры показывают, что бывает, когда цели не соответствуют области, в которой их пытаются реализовать. Это означает, что о сакральных целях должна говорить религия, о секулярных — общество языком политики, а витальные цели следует оставить либо родовому сознанию, либо, в более узком смысле, индивидуальному вниманию личности как части рода. Сакральные цели требуют личной веры и личной свободы, реализуются в сердце, а не на стогнах, аутодафе или в окопе. Пространству социальной жизни адекватна секулярная телеология, «горизонт планирования» которой не заглядывает в вечность, не оперирует ничем «последним», не претендует на окончательное преодоление вызовов или решение вопросов и не покушается завершать историю — она вмещает в себя цели, достижимые трудом считанного количества поколений людей, и видит ценность жизни в ее эмпирическом измерении. Секулярная телеология вбирает в себя цели ближнего планирования — результат общественного консенсуса. Витальная телеология включает цели, касающиеся еще более близкого и узкого горизонта планирования; мыслит не в регистре вида, а в регистре рода. Самое крупное социально-историческое тело, которое она может мыслить, — этнос с его интересами, фокусирующимися на конкуренции с другими этносами и на преуспевании в ней.

Очевидно, что определение целей, соответствующих этим типам, — дело философской рефлексии, именно поэтому сама идея целесообразности оказывается регулятивным принципом философского мышления, способным поставить проблему, предложить варианты ее осмысления, но не дающим окончательного решения — не только потому, что постнекласическая рациональность чуждается всякой окончательности, сколько потому, что история (макро- ли, микро- ли) отвергает всё, что претендует на роль окончательного, она длится, пока есть тот, кто ищет в ней причины и следствия, видя прошлое, и цели, всматриваясь в будущее.

Но к одной лишь истории можно применять телеологический подход? Думается, что нет. Он релевантен не только истории, но и культуре в целом, со всей разнооб-

разнейшей пестротой ее феноменов, которые обязаны своим бытием сознательной и целенаправленной деятельностью человека.

Прямым развитием классической для гуманитарной науки оппозиции культуры и природы является искусство — и как форма отражения мира, и как средство его понимания, и как инструмент преобразования. Искусство, как форма культуры, порождает феномены, способные быть целями самими по себе — будь то объективация любого гипотетического императива (описываемого в кантианском смысле через имплицативное суждение) или сама идея целесообразности, воплощенная в концепте телеологии. С кантианской точки зрения, искусство, т. е. вещь как цель, обязано своим существованием не природе с ее необходимостью, а проекту, плану, т. е. тому, что, имея идеальную природу и являясь реальностью сознания, подразумевает разум как источник целеполагания [19, с. 78]. Ю. А. Васильев даже называет идею целесообразности воплощением «логической потребности» ума [20, с. 85], заставляющей обращаться к прошлому за, во-первых, апологетикой исторического процесса и целей, им руководящих; во-вторых, за практическими указаниями по поводу того, как их достичь. Разум действительно противится самой мысли о бессмысленности бытия (что не мешает ему впасть в экзистенциальную тоску тогда, когда смысл скрывается из виду), и поэтому пытается ретроспективно найти смысл в прошлом и экстраполяционно проецировать его в будущее, интроспективно транслируя его под воздействием опыта.

Телеологический характер связей внутри психического мира отмечал еще В. Дильтей [21, с. 44], акцентирующий внимание на аксиологическом измерении опыта (прежде всего эмоционального), в котором происходит селекция впечатлений, возможная постольку, поскольку ею руководит стремление сознания установить «целестремительную» связь между ними, сделать опыт более совершенным и рациональным. В. Н. Марков называет эту связь возникающей до рационального анализа, планирования и совершения действий. «Такая предварительная обратная связь может рассматриваться как одна из форм предчувствия... Отметим, что само по себе наличие такого психологического механизма может рассматриваться как одно из оснований телеологического подхода к объяснению мира, в рамках которого, прежде всего, ставится вопрос о целях, а не о причинах» [22, с. 55]. Причем рациональное (как воплощение некоего замысла, проекта, как объективация цели) не является единственным источником целеполагания, если говорить о сознании и его проявлении в культуре. Евангелие учит, что Бог есть Слово. М. Хайдеггер называл язык домом бытия. Конечно, естественный язык может обнаружить это в себе только тогда, когда подвергается осмыслению через призму вопроса об условиях возможности себя самого. Так рождается философия языка, открывающая в последнем глубокие смыслы, в том числе такие, которые позволяют видеть в нём проявление имманентной целесообразности. По этому поводу А. Л. Доброхотов заметил, что «в философии языка Лосева тоже наступает момент, когда бессознательная фонема и мор-

фема становятся еще не совсем сознательным, но хотя бы телеологическим или, как Гуссерль сказал бы, интенционально направленным выражением какого-то смысла [23, с. 305]. Это наблюдение, сделанное по поводу творчества двух выдающихся исследователей языка, подчеркивает сказавшуюся в нём близость телеологии и феноменологической интенциональности как свойства сознания, направленного на нечто определенное. Направленность на что-либо, делающая возможным всякое вопрошание и само мышление, как бы предзадает предмету мышления некоторый смысл, который он может обнаружить в себе. Это обстоятельство делает телеологию релевантной языку как проекции мышления настолько, насколько в языке обнаруживает себя «телеологическая атрибуция», которую А. И. Шевченко описывает так: «Стремление выявить цель определенного явления позволяет осуществить так называемую “телеологическую атрибуцию” — приписывание сообразного цели смысла фактам действительности. Наделение смыслом — процесс вероятностный, нелинейный, основывающийся на озарении, интуитивном начале человеческого сознания» [8, с. 29].

Заключение (Conclusion)

В нашем изложении телеология была разной — и сильной, когда диктовала культуре цели от имени высшего авторитета, и слабой, когда от нее отказывалась наука ради привлекательности причинно-следственного объяснения. Тем не менее она находит себе место в дискурсе о том, что способно преодолеть необходимость естественного порядка вещей, и о том, благодаря чему мы не терпим бессмысленности так же, как природа не терпит пустоты, т. е. о свободе и разуме. В области гуманитарного знания телеология способна проявить себя не как маргинальная и устаревшая концепция, но как инструмент, с помощью которого можно интерпретировать и явления мира сознания, и явления мира эмпирического — в той мере, в какой они связаны с целерациональной деятельностью человека. История, язык, культура в широком смысле — вот область, где следует применять телеологический подход и предложенные типы телеологии, если исследователь имеет намерение понять процессы не как вызванные естественной необходимостью, а как результат проявления свободы, воли и разума.

Библиографический список

1. Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М. : Наука, 1973. 532 с.
2. Deacon T. Information and Reference // Dodig Crnkovic G., Giovagnoli R. Representation of Reality: Humans, Other Living Organism and Intelligent Machines. Berlin : Springer, 2017. P. 3–15.
3. Edwards R. B. What Caused the Big Bang? Brill, 2021. 422 p.
4. Рассел Б. Мудрость Запада: Историческое исследование западной философии в связи с общественными и политическими обстоятельствами / пер. с англ. О. Н. Орнатской. М. : Республика, 1998. 479 с.
5. Хансон Р., Шальм К. Странное поведение // В мире науки. 2019. № 1–2. С. 126–133.
6. Bell J. S. Speakable and Unspeakable in Quantum Mechanics. New York : Wiley-Interscience, 1974. 211 p.
7. Риль А. Логика и теория познания // Философия в систематическом изложении. М. : Территория будущего, 2006. С. 85–117.
8. Шевченко А. И. О лингвистической релевантности телеологии (на материале англоязычного публицистического дискурса) // Балтийский гуманитарный журнал. 2013. № 1. С. 28–31.
9. Котляров О. Л., Яковлев В. А. Абней К. Натурализм и (не-)телеологическая наука: способ решения задачи демаркации науки и религии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3 : Философия. 2000. № 2. С. 148–153.
10. Фролов И. Т. Детерминизм и телеология. М. : URSS, 2019. 272 с.
11. Сокулер З. А. Научное и ненаучное в мировоззрении классиков современной эволюционной биологии (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3 : Философия. 1998. № 2. С. 60–73.
12. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. М. ; Ижевск : Ин-т компьютерных исследований, 2003. 320 с.
13. Асеев В. А. Экстремальные принципы в естествознании и их философское содержание. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 231 с.
14. Полетаева Ю. Г. Проблема исторической целесообразности в немецкой классической философии // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2012. № 4 (12). С. 33–37.
15. Лапшин М. В. Проблема телеологии в структуре эволюционного знания // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. : Гуманитарные науки. 2008. № 12 (68). С. 339–342.
16. Рубинштейн М. М. О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу : в 2 т. М. : Территория будущего, 2008. Т. I. 480 с.
17. Толстой Л. Н. Война и мир // Собр. соч. : в 20 т. М. : Гос. изд-во худож. литературы, 1961–1963. Т. IV–VII.
18. Рубинштейн М. М. О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу : в 2 т. М. : Территория будущего, 2008. Т. II. 376 с.
19. Разеев Д. Н. Критическая интерпретация кантовской аналитики телеологической способности суждения // Философские науки. 2009. № 11. С. 74–87.

20. Васильев Ю. А. О методологических основаниях русской исторической школы: историософские аспекты. Часть II // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 78–88.
21. Дильтей В. Сущность философии // Философия в систематическом изложении. М. : Территория будущего, 2006. С. 13–82.
22. Марков В. Н. О двойственной природе отношения // Мир психологии. 2011. № 4. С. 54–62.
23. Доброхотов А. Л. Мир как имя // Логос 1991–2005. Избранное : в 2 т. М. : Территория будущего, 2006. Т. 2. С. 301–318.

References

- Aseev V. A. (1977) *Ehkestremal'nye printsipy v estestvoznanii i ikh filosofskoe sodержanie [Extremal Principles in Natural Science and Their Philosophical Content]**. Leningrad, Leningradskii universitet Publ., 231 p. (in Russian)
- Asmus V. F. (1973) *Immanuel Kant [Immanuel Kant]**. Moscow, Nauka Publ., 532 p. (in Russian)
- Bell J. S. (1974) *Speakable and Unspeakable in Quantum Mechanics*. New York, Wiley-Interscience Publ., 211 p. (in English)
- Deacon T. (2017) *Information and Reference. Dodig Crnkovic G., Giovagnoli R. Representation of Reality: Humans, Other Living Organism and Intelligent Machine*. Berlin, Springer Publ., pp. 3–15. (in English)
- Dil'tei V. (2006) Sushchnost' filosofii [The Essence of Philosophy]*, *Filosofiya v sistematicheskom izlozhenii [Philosophy in a Systematic Presentation]**. Moscow, Territoriya budushchego Publ., pp. 13–82. (in Russian)
- Dobrokhotov A. L. (2006) Mir kak imya [World As a Name]*, *Logos 1991–2005. Izbrannoe [Logos 1991–2005. Selected]**. Moscow, Territoriya budushchego Publ., vol. 2, pp. 301–318. (in Russian)
- Edwards R. B. (2021) *What Caused the Big Bang?* Brill, 422 p. (in English)
- Frolov I. T. (2019) *Determinizm i teleologiya [Determinism and Teleology]**. Moscow, URSS Publ., 272 p. (in Russian)
- Khaken G. (2003) *Tainy prirody. Sinergetika: uchenie o vzaimodeistvii [Secrets of Nature. Synergetics: The Doctrine of Interaction]**. Moscow, Izhevsk, Institut komp'yuternykh issledovaniy Publ., 320 p. (in Russian)
- Khanson R., Shal'm K. (2019) Strannoe povedenie [Strange Behavior]*, *V mire nauki [In the World of Science]**, no. 1–2, pp. 126–133. (in Russian)
- Kotlyarov O. L., Yakovlev V. A. (2000) Abnei K. Naturalizm i (ne-)teleologicheskaya nauka: sposob resheniya zadachi demarkatsii nauki i religii [Abney K. Naturalism and (non-)teleological Science: A way to Resolve the Demarcation Problem Between Science and Religion], *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 3: Filosofiya [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 3: Philosophy]**, no. 2, pp. 148–153. (in Russian)
- Lapshin M. V. (2008) Problema teleologii v strukture ehvolyutsionnogo znaniya [Problem of Teleology in the Structure of Evolutionary Knowledge], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Tambov University Review. Series: Humanities]*, no. 12 (68), pp. 339–342. (in Russian)
- Markov V. N. (2011) O dvoistvennoi prirode otnosheniya [On the Dual Nature of an Attitude], *Mir psikhologii [World of Psychology]**, no. 4, pp. 54–62. (in Russian)
- Poletaeva Yu. G. (2012) Problema istoricheskoi tselesoobraznosti v nemetskoj klassicheskoj filosofii [The Problem of Historical Advisability in the German Classical Philosophy], *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya [Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]*, no. 4 (12), pp. 33–37. (in Russian)
- Razeev D. N. (2009) Kriticheskaya interpretatsiya kantovskoi analitiki teleologicheskoi sposobnosti suzhdeniya [Critical Interpretation of Kant's Analytics of the Teleological Ability of Judgment]*, *Filosofskie nauki [Philosophical Sciences]*, no. 11, pp. 74–87. (in Russian)
- Ril' A. (2006) Logika i teoriya poznaniya [Logic and Theory of Knowledge]*, *Filosofiya v sistematicheskom izlozhenii [Philosophy in a Systematic Presentation]**. Moscow, Territoriya budushchego Publ., pp. 85–117. (in Russian)
- Rubinshtein M. M. (2008) *O smysle zhizni. Trudy po filosofii tsennosti, teorii obrazovaniya i universitetskemu voprosu [On the Meaning of Life. Proceedings on the Philosophy of Value, the Theory of Education and the University Question]**. Moscow, Territoriya budushchego Publ., vol. I, 480 p. (in Russian)
- Rubinshtein M. M. (2008) *O smysle zhizni. Trudy po filosofii tsennosti, teorii obrazovaniya i universitetskemu voprosu [On the Meaning of Life. Proceedings on the Philosophy of Value, the Theory of Education and the University Question]**. Moscow, Territoriya budushchego Publ., vol. II, 376 p. (in Russian)
- Russell B. (1998) *[Wisdom of the West: A Historical Survey of Western Philosophy in Its Social and Political Setting]*. Moscow, Respublika Publ., 479 p. (in Russian)
- Shevchenko A. I. (2013) O lingvisticheskoi relevantnosti teleologii (na materiale angloyazychnogo publitsisticheskogo diskursa) [On Linguistic Relevance of Teleology (with Reference to English Publicistic Discourse)*], *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal [Baltic Humanitarian Journal]**, no. 1, pp. 28–31. (in Russian)
- Sokuler Z. A. (1998) Nauchnoe i nenauchnoe v mirovozzrenii klassikov sovremennoi ehvolyutsionnoi biologii (svodnyi referat) [Scientific and Non-scientific in the Worldview of the Classics of Modern Evolutionary Biology (Consolidated Abstract)*], *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 3: Filosofiya [Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 3: Philosophy]**, no. 2, pp. 60–73. (in Russian)

Tolstoi L. N. (1961–1963) *Voina i mir* [War and Peace]*, *Collected Works*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., vol. IV–VII. (in Russian)

Vasil'ev Yu. A. (2009) *O metodologicheskikh osnovaniyakh russkoi istoricheskoi shkoly: istoriosofskie aspekty. Chast' II* [On Methodological Bases of the Russian Historical School: Historiosophical Aspects. Part II], *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], no. 2, pp. 78–88. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.